

Н.М. Мелёхина
прозаик, журналист (Вологда)

Л.В. Егорова
Вологодский государственный университет

О НАТАЛЬЕ МЕЛЁХИНОЙ, ИЛИ «НЫНЕ СТАЛЬ ЗАКАЛЯЮТ КИТАЙЦЫ»?

Разговор о пути, пройденном Натальей Мелёхиной, написанных книгах, участии в Первом и Втором Форумах молодых писателей России и Китая, переводах ее произведений на китайский и арабский языки, вовлеченности в литературный процесс, включенности ее локального пространства в мировое.

Наталья Мелёхина, литературная Вологда, контекст всемирной литературы, Первый и Второй Форумы молодых писателей России и Китая, СМЛ (Союз молодых писателей).

Л. Е. Вы окончили факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства. Сейчас, как я понимаю, такого сочетания уже нет. Это предтеча культурологии? И почему Вы выбрали не чисто филологическое образование?

Н. М. Нет, к культурологии это отношения не имело. Мы изучали именно теорию изобразительного искусства в чистом виде (композиция, форма, цвет, сюжет, особенности двухмерного и трехмерного изображения, материя, вещество и материал, визуальная риторика и т.д.), а также его историю от первобытных времен до наших дней. Очень интересные предметы! Мне они нравились, и преподаватели у нас были прекрасные. Образование не ограничивалось стенами аудитории. Мы выходили на выставки и в музейные фонды. Например, когда изучали предмет «Древнерусское искусство», посещали фонды нашего музея-заповедника, знакомились с богатейшим собранием икон. Помню, ходили на экскурсию по городу, чтобы знать особенности уникальной деревянной архитектуры Вологды. При желании с таким образованием можно работать в художественных музеях. К примеру, моя однокурсница Елена Лубенцова именно так и поступила: она – научный сотрудник художественного отдела ВГХМЗ, автор книги-раскраски для детей «Росписи Вологодского края» (это ее совместный проект с художницей Верой Добрынинской). Мне тоже это образование пригодилось в журналистской работе: с ним гораздо проще писать материалы о выставках, художниках, архитекторах, скульпторах и т.д. А почему не чисто филология, по-моему, тогда «чисто» и не было. По крайней мере, в дипломах именно так у всех и значится «факультет филологии, теории и истории изобразительного искусства», хотя профессия обозначена как «учитель русского языка и литературы».

Л. Е. Тяжело было?

Н. М. Было весело! Учеба на филфаке – это самые счастливые годы моей жизни. Занимаешься в свое удовольствие литературой и русским, а тебе за это еще и денег дают в виде стипендии!

Л. Е. Если бы поступали сейчас, какое направление бы выбрали?

Фото с подведения итогов конкурса филфака

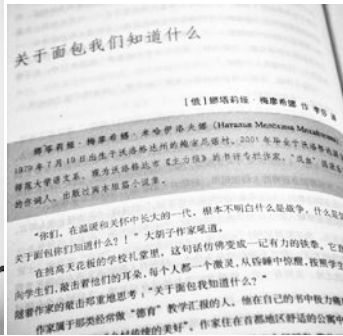
Н. М. Музыкальное образование.

Л. Е. Отрадная у Вас разносторонность. А у кого и о чем писали диплом?

Н. М. Диплом я писала по литературе у канд. филол. наук Татьяны Васильевны Рожковой на тему «Сравнительная характеристика “Записок юного врача” Михаила Булгакова и “Записок врача” Викентия Вересаева». Я занималась у Татьяны Васильевны на спецкурсе «Современная литература». Тогда мы сами выбирали такие образовательные блоки на весь период обучения. Мне нравилось, как преподает Татьяна Васильевна, и опять мы много веселились на этих занятиях, потому что современная литература требует особого настроения и особого склада мышления. Мы изучали самые новые на тот момент произведения Виктора Пелевина, Вячеслава Пьецуха, Владимира Маканина, Людмилы Петрушевской, поэтов-концептуалистов и т.д. Эти занятия мне очень понравились и как критику, и как прозаику. По сути, после него у меня сложилось вполне себе реалистичное представление о том, что именно здесь и сейчас происходит в русской литературе. Вообще вся атмосфера филфака тех лет, а ее создавали в первую очередь наши преподаватели, за что им спасибо огромное, была велико-

лепной. Я с нежностью вспоминаю студенческие годы и долго могу о них рассказывать.

Л. Е. Вы дебютировали в 2011 году на фестивале «Плюсовая поэзия». А в школе и в университете Вы писали? (Мне представляется, что Вы так органично пишете, словно всегда это делали.) Что-то произошло в 2010–2011? Я правильно понимаю, что это был некий прорыв? Сначала в отечественную, потом во всемирную литературу – Вас перевели на арабский, китайский.

В газете «Литературная неделя» (август, 2016) в Дамаске вышел рассказ «Сердце без лапок» (рис. слева), «Что мы знаем о хлебе» по-китайски (рис. справа)

13

قلب بلا براثن

الصفحة والنص، صمّمه ابن عبد الله... ترجمة: عبادة الجابر... ما يطالبه القرويون... ناتاليا ميلويخينا...

عندما كنت تلميذاً في مدرسة... في تلك الفترة كنت أقرأ كثيراً... في ذلك الوقت كنت أقرأ كثيراً...

حين كنت تلميذاً في مدرسة... في تلك الفترة كنت أقرأ كثيراً... في ذلك الوقت كنت أقرأ كثيراً...

не было. И тогда я решила, что пойду на филфак и там научусь писать тексты песен, ведь сильные текстовики любой рок-группе нужны не меньше, чем музыканты. Ну и параллельно поступила в музыкальную школу для взрослых при ДКЖ (была такая в те годы). В программу там входило сольфеджио, теория и история музыки, инструмент (в моем случае гитара) и общее фортепиано. Преподавали – педагоги музыкального колледжа, вологодские джазовые музыканты, исполнители классики. Все они не сильно жаловали рок-музыку, но мне было все равно. Лишь бы учили ремеслу. Что касается инструмента, мне повезло попасть к педагогу Константину Александровичу Савельеву, который мое увлечение рок-музыкой принял совершенно спокойно, в отличие от многих других, но все же уговорил меня пойти к нему в ансамбль классической гитарной музыки «Чайка». В общем, жизнь была такая: лекции в вузе, читальный зал, занятия в музыкальной школе, репетиции в «Чайке», концерты, музеи, выставки. И кино! Мы каким-то образом умудрялись еще и посещать кинолекторий в ВОУНБ им. Бабушкина, который вела киновед Татьяна Николаевна Канунова. И балет! Мои однокурсницы как-то показали мне знаменитую фотографию Рудольфа Нуреева, где он всматривается в свое отражение в луже на асфальте. И говорят: «Ты в курсе, что ты на него похожа?» А я в ответ: «А кто это?» Я не знала, кто такой Нуреев, да и откуда мне было знать в моей деревне, ведь Интернета тогда не было. Девочки ахнули и начали меня просвещать. Приносили мне книги о балете, видеозаписи самых знаменитых классических и самых современных постановок, фильмы-биографии выдающихся артистов и т.д. В итоге к концу первого курса я уже обожала балет и люблю его до сих пор.

Словом, все пять лет ни минуты свободного времени! Домой приходишь к полудню и падаешь спать без сил. Чудесное время. Только гитаре приходилось все время таскать с собой при таком образе жизни. Помню, Константин Александрович меня утешал: «Ты музыкант, Наташа, гитара – это как часть твоего тела. Ты же не оставишь дома руку или ногу?»

Л. Е. Да, «Ваши университеты» – это мощно.

Н. М. После универа я стала работать журналистом. О литературе вообще не думала, разве что короткую книжных рецензий вела. После смерти К.А. Савельева ансамбль «Чайка» развалился, и я играла как ритм-гитарист в разных никому не известных проектах, пока не появилась рок-группа «Имаго». Вот это уже был по-настоящему значимый проект, у которого до сих пор есть свои поклонники. Мы выступали в поэтическом салоне «Новый Диоген», в кафе и клубах, на разных рок-мероприятиях и пр.

В 2010 году я сильно заболела. Произшел некоторый переворот в сознании, захотелось избавиться от определенного жизненного «багажа»: переживаний, эмоций, мыслей. Тогда написала первый рассказ «Последнее лето». Вот с ним и дебютировала на «Плюсовой поэзии» в 2011 году. Несмотря на дебют, на тот момент я воспринимала себя исключительно музыкантом, а не писателем. Показательна в этом смысле история с изданием первой книги «Медведь с заплатой на ухе». Издатель Елизавета Безнина пришла на

В журнале «Мировая литература» № 166 за 2016 год вышел на арабском языке рассказ «По заявкам сельчан»

Н. М. Ни в университете, ни в школе я не писала ни стихов, ни прозы, а писала тексты песен. Я хотела стать рок-музыкантом. Собственно, именно поэтому я и на филфак пошла. В музыкальный колледж принимали только после музыкальной школы, а ее в дерев-

выступление группы «Имаго» и после концерта подошла ко мне с вопросом, нельзя ли издать тексты наших песен в виде стихотворного сборника (они многим нравились). Я ответила, что теоретически можно, но эти тексты предназначены для исполнения под музыку, а стихов в чистом виде я не пишу, но у меня есть пара рассказов и миниатюры. Елизавете проза понравилась. Так появилась книга «Медведь с заплатой на ухе».

Л. Е. Расскажите, пожалуйста, о Ваших книгах, как они Вам видятся. Темп ведь снова предельный.

2012. «Медведь с заплатой на ухе» (издан в «Легии»).

2013. «Забывай как звали» – там же.

Год Вы передохнули или, наоборот, работали.

2015. «По заявкам сельчан» – в «Томе писателей».

2016. «Дорогие вещи» – в издательстве «ОГИ».

Дальше две книги издадут «Древности Севера»:

2017 (и переиздание 2018). «Александр Панкратов».

2018. «Поисковики Вологодчины. Начало».

2018. «Железные люди» – в «Эксмо».

Как Вы успеваете?! Вы живете на гранты? «Панкратов» и «Поисковики» это заказанные книги?

Н. М. Грант я получала только раз в жизни, а живу на зарплату журналиста. Я благодарна этой профессии за то, что она меня кормит. «Александр Панкратов» – это не заказная книга, я сама вызвалась быть ее автором, и АО «Вологодский вагоноремонтный завод», где работал Герой и где собрана богатая коллекция материалов о нем, вообще-то рисковал, соглашаясь на мое предложение, поскольку в документальной прозе никакого опыта у меня на тот момент не было. Однако почитав мою художественную прозу, генеральный директор Николай Бачкарев и его заместитель Александр Кононов согласились попробовать. Специально «под книгу» был создан военно-исторический проект «Бессмертный герой», разработчиком и руководителем которого стал Александр Кононов. Опыт этого проекта бесценен. Он объединил людей разных профессий (историков, краеведов, бизнесменов, архивистов, педагогов, издателей, фотографов и пр.), которые помогали мне каждый по-своему. Одни выступили в роли меценатов, другие – делились информацией, третьи – помогали с оформлением и редактурой, четвертые – консультировали по военно-историческим и краеведческим вопросам, так как я не историк и не краевед, я писатель в первую очередь. Завод разослал во все учреждения и всем специалистам, которые могли мне помочь, письма с просьбой поддержать меня как автора, и эти письма сработали. Музеи, архивы, частные лица – никто и ни в чем мне не отказал. Всякий прозаик, пишущий о вымирании деревень, рано или поздно приходит к вопросу о том, какую роль в этом процессе сыграла Вторая мировая война. Настал и мой черед отвечать, и так случилось, что в моем случае сделать это было удобным средствами документальной прозы.

«Поисковики Вологодчины. Начало» тоже нельзя назвать «заказной». Да, здесь уже МОО «Вологодское объединение поисковиков» предложило мне такой проект, а не я им, как было с ВРЗ, но формат и содержание книги мы определяли сообща с вологодскими поисковиками – супругами Александром и Ириной

Метёлкиными, которые являются известными людьми в поисковом движении. То есть не было такого, что я выполняю некий «заказ», была очень продуктивная творческая совместная деятельность.

Завершая разговор о документальной прозе на военную тематику, добавлю, что в 2019 году вышла еще одна книга, над которой я работала. Это репринтное издание Вениамина Меркурьева «Небо зовет» (издательство «Арника») о Герое Советского Союза Е.Н. Преображенском. Я делала для этой книги очерк «Дорогами истории» и помогала с редактурой материалов. Интересный проект к 110-летию прославленного летчика, реализованный при непосредственном участии и помощи внука Героя В.В. Преображенского.

Про остальные книги: скажу пару слов о каждой. «Медведь с заплатой на ухе» вышел в серии «Здоровствуйте! Я вам пишу», уникальной не только для Вологды, но и в масштабе страны. Очень редко после развала СССР издательства выпускали книги дебютантов бесплатно, а это была серия исключительно для дебютантов, и ничего за выпуск книги они не платили, наоборот, самому автору выплачивался небольшой гонорар с каждого проданного экземпляра. Прозаиков и поэтов Елизавета Безнина искала и отбирала сама. Вообще-то, такое отношение как раз и должно быть нормой, но в России это исключение из правил. «Забывай как звали» – первый более-менее объемный сборник. 2015 год и «Том писателей» (редактор проекта – Ната Сучкова) – отдельный большой разговор, формат интервью для него тесен.

Л. Е. Да, эту тему, действительно, хотелось бы обсудить отдельно.

Н. М. 2016 год. «Дорогие вещи» (издательство «ОГИ») – книга-«игрушечка», рассчитанная на коллекционеров, с необычным оформлением форзацев, где содержание представлено в виде «географической» карты. Так задумал издатель Дмитрий Ицкович, а воплощали его идею в жизнь дизайнеры Владислав Уханов, Алексей Кудряшов и художник Артём Легких (кстати, соло-гитарист группы «Имаго»). С этой книгой связана забавная история. Около двадцати экземпляров напечатали так, что карта «перевернулась» вверх ногами, и тут выяснилось, что есть коллекционеры, которые собирают карты с таким типографским браком. Ценители буквально охотились за этими экземплярами. Часть «перевертышей» я специально оставила себе и раздала близким друзьям как коллекционную редкость, но меня и до сих пор иногда спрашивают из разных городов страны, нет ли у меня «перевертыша». Для «Дорогих вещей» намеренно задумывался маленький тираж, чтобы подчеркнуть их «дороговизну» во всех смыслах. Сейчас этой книги уже не достать.

2018 год. «Железные люди» («Эксмо») – наиболее полный сборник рассказов на данный момент, в нем целиком опубликован цикл рассказов о дяде Грише, но в эту книгу не вошли миниатюры. На нее написано больше всего читательских отзывов, что, наверное, отчасти объясняется неплохим для наших дней тиражом (1000 экз.) и активной просветительской работой моего любимого редактора Анны Кистеровой (Анна известна как поэт под псевдонимом Ганна Шевченко, и ее поэзию я тоже очень люблю).

Теперь почему был «период молчания» в 2014 году – он стал для меня переломным. В апреле я частично потеряла слух из-за заболевания, которым нередко страдают именно рок-музыканты. В тот момент мы готовились к выступлению в клубе «Харди-Гарди» и, как я теперь понимаю, слишком много репетировали. Рок-сцена отныне была для меня закрыта. В декабре ушел из жизни мой папа – Мелёхин Михаил Александрович. Именно он был прообразом главного героя из цикла рассказов о дяде Грише. Какое-то время мне не хотелось ничего писать. Совсем ничего. К литературной жизни меня вернул мой друг петербургский издатель Даниэль Орлов. Он попросил для сборника «Москва-Петербург. Как мы их не знаем» доработать черновик одного очень старого моего рассказа. Впрочем, «черновик» это громко сказано. У меня были всего лишь какие-то наброски, сделанные чуть ли не в школе, но Даниэлю понравилось в них настроение Питера. Так появился «День деревни» – это мой самый любимый рассказ из всего, что я написала. Он об Игоре Рудине, музыканте из Санкт-Петербурга, который, утратив слух, приезжает в вологодскую деревню и встречается там со своим поклонником деревенским парнишкой-гитаристом Митей. Меня часто спрашивают, с кем я себя ассоциирую – с Рудиным или с Митей? На самом деле с обоими.

Музыкант, потерявший слух, или художник, потерявший зрение, – это «вечные персонажи» в литературе. Но что интересно, написав «День деревни», я больше не могу читать произведения, где есть такие герои. Так из-за Глеба Яновского я не смогла недавно прочитать роман Евгения Водолазкина «Брисбен», а ведь я обожаю этого автора. Ну что ж, проживем – увидим. Может, позже смогу.

Л. Е. Дай Бог.

Многое прояснили. Спасибо.

Теперь о городе и о мире. Вы участвовали в Первом Форуме молодых российских и китайских авторов в Шанхае в конце ноября 2015 года, где в организации встреч важную роль сыграли директор Института мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков профессор Чжэн Тиу и председатель Иностранной комиссии Союза писателей России Олег Бавыкин. Речь шла о литературном диалоге между Россией и Китаем, о сохранении и обновлении традиций, о состоянии новейшей литературы и творческих успехах молодых российских и китайских писателей, о проблемах популяризации литературы и трудностях перевода. Принимающая сторона пригласила 16 российских прозаиков и поэтов, среди них Андрей Тимофеев, Дмитрий Филиппов, Андрей Антипин, Елизавета Мартынова, Василий Попов...

Н. М. Дмитрий Филиппов, Елизавета Мартынова – это участники Второго Форума, состоявшегося уже в Москве в апреле 2018 года. В первом участвовали Максим Грановский, Игорь Лазунин, Екатерина Яковлева, Анна Козлова, Андрей Антипин, Наталия Иванова, Екатерина Четверикова и т.д.

Л. Е. А как Вы туда изначально попали?

Н. М. Кто назвал мою кандидатуру, я не знаю. Я не состою в творческих союзах или ЛИТО и не была знакома с организаторами форума. Просто однажды мне позвонил писатель Анатолий Константинович

Ехалов и сказал: «Наташа, тебя ищет председатель Иностранной комиссии Союза писателей России Олег Бавыкин. Вот его телефон, позвони ему. Тебя приглашают в Китай на форум молодых писателей, не отказывайся».

*Второй Форум молодых писателей.
Поэт Антон Мительков (Новосибирск),
профессор Чжэн Тиу, прозаик Фу Юхуэй,
прозаик Наталья Мелёхина*

После возвращения на Родину критики и другие авторы стали называть нас «шанхайцами», поскольку все мы как-то составили единое поколение – и в творческом плане, и в личностном. Этот Форум повлиял на творческие биографии каждого из нас и стал одной из причин возникновения Совета молодых литераторов (СМЛ) при Союзе писателей России. Дело в том, что, оказавшись в Шанхае, мы вдруг поняли, что китайцы знают о том, что сейчас происходит в молодой русской литературе больше, чем мы сами, и нам это не очень-то понравилось по целому ряду причин.

Л. Е. В Китае традиционно уделяют внимание русской литературе. Всегда больше издают и читают классику, но стараются представить и новейшую литературу, особенно молодого поколения. Я читала, что избранные произведения российских писателей Первого Форума были опубликованы в специальном выпуске авторитетного журнала «Иностранная литература и искусство» в Шанхае, а дальше решили произведения писателей России публиковать в журналах, где печатаются китайские писатели, расширяя тем самым круг читателей. По-моему, правильный подход.

Н. М. Вот в том-то и дело, что у китайской стороны к молодым российским авторам совершенно правильный, можно сказать, идеальный подход, а у российской – нет. Приведу конкретные примеры. Прозаик Тэн Сяолань, лауреат премии Лу Синя за повесть «Прекрасные дни», на форуме в Москве представила шесть литературных журналов. Для примера их тиражи: «Урожай» – 100 000 экземпляров, какой-то литературный журнал для школьников (не помню название уже) – 300 000, «Поэты Шанхая» – 3000. И тут же вслед за Тэн Сяолань выступает Юрий Козлов, главный редактор «Роман-газеты»: тираж этого российского издания 2000 экземпляров!

Л. Е. Хороший по нынешним временам тираж.

Н. М. Прозаики и поэты в Китае получают ежемесячные зарплаты, а в России «писатель» – это даже не профессия, нет ее в перечне Роструда. В итоге в одном и том же возрасте молодой китайский автор может издать уже пять-шесть книг, а российский – ни одной, хотя они могут быть равно талантливыми, просто россиянину нужно зарабатывать деньги и на жизнь, и на издание собственных произведений, а китайцу – просто заниматься литературой. И мы работаем: кто – журналистом, как я, кто – сварщиком, как поэт Игорь Лазунин, кто психологом, как поэт Екатерина Яковлева, кто врачом, как детский автор Ирина Иванникова. А между тем наше настоящее дело – писать прозу и стихи, и, судя по признанию на международной арене, у нас это получается. Наша задача – представлять Россию в мировом литературном процессе, а не в сварке стали и не в лечении гастритов. И как же нам быть? Вот так мы изначально находимся в ненормальной для творческого развития ситуации. И на таких форумах, как в Китае или во Вьетнаме, ты понимаешь всю остроту этой ненормальности. Мне могут возразить, что эти страны – социалистические, и систему работы с писателями они взяли по советскому образцу. Так и есть! Но они потому ее и взяли и от нее не отказываются, что эта система эффективна. Если не нравится такой способ, давайте перенимать западный опыт. На таких форумах мы общаемся и с европейцами, и с авторами из США. У них развит издательский бизнес, авторам выплачиваются огромные по нашим меркам гонорары даже за скромные издания. Писатели обязательно получают денежное вознаграждение за любое выступление в библиотеке, на радио, на ТВ, в Интернете. Они также могут зарабатывать на участии в каких-то мероприятиях и рекламных акциях. Кроме того, есть меценаты, готовые их поддержать. Где же все это в России?

Л. Е. Извините, перебыю – дать цифры. В Китае гонорар за журнальную страницу – около 12 000 рублей (страница – 1500 иероглифов, за 1000 иероглифов в среднем – 800 юаней; средняя зарплата в Шанхае по международной оценке – примерно 4500 юаней) [2].

Н. М. На международных мероприятиях сейчас русские писатели – это люди одновременно и очень бедные (в том смысле, что у нас нет богатых возможностей для издания и популяризации своих произведений), и самые уважаемые за стойкость, за умение остаться верными искусству вопреки всему. Русская литература по-прежнему – предмет восхищения. В представлении иностранной культурной общности русский писатель – это, конечно же, наследник традиций Пушкина, Толстого, Достоевского, Чехова, человек, чье мнение о современных проблемах априори значимо для всего мира, вот только, получается, кроме его собственной страны.

Вот так и возникло после форума в Шанхае желание объединиться, помогать друг другу. Сейчас СМЛ – это весьма влиятельная организация, имеющая «филиалы» во многих регионах страны. Она ищет новые имена, помогает с публикациями, проводит семинары. Возглавляет СМЛ «шанхаец» Андрей Тимофеев. А в этом году в Вологодскую область собирается приехать профессор Чжэн Тиу, один из организаторов Форума в Шанхае, очень ждем его. Сразу скажу, что в

Вологде такого «филиала» нет и, скорее всего, не будет, в связи с особенностями нашего города.

Л. Е. Что Вы имеете в виду?

Н. М. Я имею в виду то, что СМЛ – это структура при Союзе писателей России. Инициаторами открытия филиалов СМЛ во всех регионах выступают сами молодые авторы. Насколько я знаю, в составе ВО СПР просто нет ни одного автора в возрасте до 35 лет, соответственно, откуда взяться СМЛ? Но это внутренние дела ВО СПР, я не имею морального права их комментировать, не являясь членом этой организации.

Л. Е. Меня, конечно, интересует Чжэн Тиу¹.

Лето 2019. Чжэн Тиу на Вологодчине

Н. М. Я восхищаюсь Чжэн Тиу. Это ведущий исследователь русской литературы не только в Китае, но и во всем мире. И при этом, несмотря на свою ко-

¹ Профессор Чжэн Тиу возглавляет Институт мировой литературы Шанхайского университета иностранных языков. Деятельность этого научно-исследовательского института ведется в двух направлениях: изучение иностранных литератур как глобального явления и сравнительное литературоведение. Институт плодотворно сотрудничает с писательскими организациями России, ИМЛИ РАН.

Чжэн Тиу является одним из самых известных переводчиков русской литературы. Он учился в МГУ и начал переводческую биографию с Блока. Осенью 2018 года вышло второе – дополненное издание Блока в его переводе: 300 стихотворений и две поэмы (самый полный и самый новый перевод Блока в Китае). Переводил Есенина, Хлебникова, Ахматову. В 1996 году издал книгу «Русская поэзия модернизма» и сейчас занимается переработкой и дополнениями к ней. Тогда в ней было 25 авторов, в трех томах новой антологии будет 56 имен символизма, акмеизма, футуризма.

Почетный член Союза писателей России. Автор многочисленных работ по истории русской литературы, учебников, хрестоматий. В 2008 году за заслуги в распространении русского языка и культуры в Китае и подготовке высококвалифицированных русистов был награжден медалью Пушкина Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы.

В начале августа 2019 Чжэн Тиу побывал на Вологодчине в ходе экспедиции по нашей стране – он общался и собирал материалы для книги о русской литературе в провинциях и регионах: истории и современности. Посетил Тверь, Бежецк, Новгород, город Валдай, Пестово, Петербург, Вологду, Тотьму, Рязань, Воронеж, Краснодарский край...

лоссальную занятость, он находит время работать с российской молодежью! Перед Вторым Форумом молодых писателей Китая и России он перевел стихотворение 19-летней студентки МГИК Александры Марченко и стихи Ирины Иванниковой из Рязани. Потом в связи с этим Александр Бобров в статье «Ныне сталь закаляют китайцы» написал: «Какие уроки серьезного отношения к литературе, к молодой смене, к наведению духовных мостов! Вот чему надо учиться и перенимать живой опыт, а не умозрительные дискуссии вести на треп-шоу» [1]. После русско-китайских форумов перестали говорить, что у нас нет интересных молодых авторов, что русская литература закончилась на Белове и Распутине: стало очевидно, что не авторов достойных среди молодежи нет, а искать не умеют и помочь не хотят.

Дискуссионный вечер «Столицы и провинции: картина современной русской литературы». Столицу представляла Анна Козлова, провинцию – Наталья Мелёхина. Слева – Чжэн Тиу

На Первом Форуме в Шанхае мы познакомились с блестящим, не побоюсь этого слова, легендарным, переводчиком Игорем Александровичем Егоровым. Это благодаря ему мы можем читать на русском романы Мо Яня, Нобелевского лауреата, чьи произведения я очень люблю. Замечу, что из молодых китайских авторов мне близко творчество прозаика Фу Юэхуэй, у него очень поэтический стиль, чувственный, богатый метафорами. Очень нравится его рассказ «Может ли земля сгореть дотла?».

Л. Е. Вы знаете Ваших переводчиков? Это молодежь?

Н. М. С девушкой, которая переводила мой рассказ «Что мы знаем о хлебе» на китайский, познакомиться мне так и не удалось, так как в момент Форума она находилась на стажировке в Москве. Получилось, мы с ней разминулись. Мой доклад о деревенской тематике в современной русской литературе в Шанхае переводила другая переводчица, студентка, она представила русским именем Валентина. Как зовут этих девушек по-китайски, я, к сожалению, правильно не смогу ни озвучить, ни написать, поэтому и пытаться не буду. Это целая наука, поскольку китайский язык тональный, а письмо иероглифическое, я боюсь ошибиться без помощи экспертов.

Л. Е. В переводе мы тоже отстаем.

Н. М. С переводами мы колоссально отстаем от китайской стороны. Во время Второго форума в Москве на эту тему подготовил выступление китаист-

переводчик, доцент СПбГУ Алексей Родионов. На тот момент в Китае наша литература по переводам и изданиям занимала 5-е место: 150 наименований китайских авторов против 3000 российских в Китае – они перевели в 20 раз больше. Причина все та же: невнимание у нас к литературе в частности и к культуре в целом, отсутствие достойного финансирования.

Наталья с переводчицей доклада о деревенской тематике в современной литературе

Л. Е. В Китае за последние 20 лет вышло 285 изданий романа Николая Островского в 80 (!) разных переводах [2].

И Вас еще перевели на арабский?

Н. М. На арабский язык меня переводил очень известный и авторитетный переводчик из Сирии Айяд Еид Михаил. Благодаря ему в Сирии были опубликованы рассказы «По заявкам сельчан» и «Сердце без лапок», а также его критическая статья «Непереводимое», посвященная особенностям грамматики и стиля в рассказе «Забывай как звали».

Л. Е. Очень интересно. Вы в курсе Ваших особенностей грамматики и стиля?

Н. М. До статьи Айяд Еида нет, я не была в курсе, а теперь да, я понимаю, почему, во-первых, этот рассказ фактически непереводим на арабский язык, а во-вторых, почему моя стилистика в общем смысле для некоторых экспертов от литературы «непереводима». Это сложный разговор, но я попробую объяснить, как смогу. Что касается грамматики, то причина в том, что в русском языке глаголы не указывают в повелительном наклонении или в настоящем времени на род второго лица, а арабский язык такого не терпит. Например, слово «ездишь» переводится как «тусафер», если речь идет о мужчине, и «тусферин», если мы говорим о женщине. Но автор в моем рассказе – это не мужчина и не женщина. Он философско-художественная абстракция, объединяющая две реальности – художественную и ту, что за окном. Автор – Наталья Мелёхина и автор в этом тексте – это не одно и то же.

Л. Е. Да, я понимаю.

Н. М. С Айяд Еидом мы знакомы лично, это потрясающий человек, глубоко знающий и любящий русскую культуру, личность с большой буквы. В своей статье он поразительно точно написал обо мне: «Любит Наталья деревню, деградирующую и исчезающую под натиском современной жизни, разных экономических теорий о рентабельности и других норм, навязываемых нам развитием и цивилизационной гонкой. Такие как она кажутся так называемым “рациональным” или “реалистам” идиотами, или, по крайней мере, вне времени...» Так и есть. Он прав совершенно. И вот это вторая причина «непереводимости», но уже не с русского на арабский, а с «рационального» на «художественный», с «языка цивилизационной гонки» на «язык вне времени».

Российские авторы у памятника А.С. Пушкину в Шанхае

К примеру, мой рассказ «Сердце без лапок» некоторые «рациональные» писатели и критики всерьез принимали за сказку, несмотря на то, что в самом тексте недвусмысленно написано, что эта история в действительности произошла с моими родителями во времена их юности. «Рациональным» кажется странным тот факт, что это произведение популярно у читателей, они не знают, а в чем секрет успеха этого текста (они и мыслят примерно такими категориями как «секрет успеха»), для меня же это не самый важный показатель, хоть он и имеет место быть в жизни писателя). Их, как пробку из соленой воды, выталкивает из моего художественного мира, и я замечала, что они действительно не могут осознать смысл некоторых весьма простых на самом деле фраз. После статьи Айяд Еида я поняла, почему так происходит. К примеру, я пишу: «В отдаленной вологодской де-

ревне жили-были мои молодые родители». А им изначально кажется, это стеб какой-то или сказка, потому что «жили-были», и потому что «в деревне». Включается целая система стереотипов, заложенная образованием, а также иным, чем у меня культурным и жизненным опытом. Скажем, вступает в действие клише: не могут жить молодые родители в вологодской деревне, потому что «рациональные» знают из книг, что там, в деревнях, живут одни старики, да еще и счастливо не могут, ведь в книгах написано, что живут обязательно плохо, там же нет ни метро, ни «Макдоналдса». А если я, автор, там и сама жила, то мне следует стыдиться этого, или иметь какую-то глубокую психологическую травму по этому поводу, или впадать в слезливые сантименты. Если хотите, в их глазах я должна нести свое деревенское происхождение как некую стигму. Ну а категорию «вне времени» они путают с категорией «старомодности», при этом не зная, что на самом деле «старомодно», а что «современно» в деревне наших дней. Мне и грустно и смешно в таких случаях.

В Шанхае Наталья читает доклад о деревенской тематике в современной литературе

От «непереводимого» в моем творчестве люди «рациональные» пытаются отгородиться какими-то стереотипами, терминами из учебников по литературе, пространными рассуждениями о жанре сказки или о деревенской прозе, почерпнутыми откуда-то из умных книжек. Как писал Василий Шукшин: «Особенности нашего с ними жизненного опыта таковы, что позволяют нам шагать весьма и весьма параллельно, нигде не соприкасаясь, не догадываясь ни о чем сокровенном у другого». А со мной, получается, «рациональным» в чем-то даже труднее, чем с Шукшиным, потому что за моими плечами десятилетия жизни не только в деревне, но и в самом протестном из искусств – в рок-музыке, не терпящей стереотипов, не боящейся непонимания, чурающейся любой «несвободы», любых границ. Хотите считать меня идиотом? Так я ведь даже не замечу, потому что «рок-н-ролл – это всегда дважды два три» и, пока «рациональные» всерьез с привлечением теорем исправляют «три» на «четыре», я веселюсь или тоскую и пишу новые тек-

сты, цепляющие читателей именно тем, что я намеренно не даю верных ответов. Получается, как в песне у Юрия Шевчука: «Если что не разрежу умом, распакую своей душой». Вот это, с точки зрения Айяд Еида, тоже «непереводимое» в моем авторском стиле.

Когда в 2016 году в газете «Литературная неделя» в Дамаске вышел мой рассказ «Сердце без лапок» на арабском языке, я смотрела на страничку, покрытую вязью, и не могла не думать о том, что в стране, где выпускается эта газета, сейчас идет война. Забыть об этом просто невозможно, не получается. И я думала, что вот, люди там будут читать эту простую историю про Густю, Лёньку и маленькую собачку Пуньку, и в Дамаске узнают о крохотной деревеньке Полтинка, затерянной где-то вологодской глубинке... И сирийские читатели узнали, поняли, приняли, несмотря на разницу в языке и культуре, потому что и у них есть семьи, родители, дети и семейные предания, хранящиеся многими поколениями.

Знаете, я хочу только одного для этой страны – любви и мира, а еще покоя и тишины, точно таких же, как сейчас у нас в Полтинине. Мне захотелось тогда по-братски поделить этот мир с Дамаском, как делят хлеб и вино близкие друзья. И опять преследовала мысль: в стране, где идет война, издаются литературные журналы и газеты, переводятся произведения молодых российских авторов, а у нас...

Книгой «Железные люди» в 2018 году заинтересовалась также переводчица Нади Абу Фарха из Каира, она вела переговоры с издательством «Эксмо» и получила права на перевод. Надеюсь, у Нади все получится, но загадывать не буду, потому что путь от перевода до издания книги и в Каире тоже не прост.

Л. Е. Вы знаете, я не осознавала, что уже четыре книги написаны вот с этим мировым опытом. Он Вас изменил?

Н. М. «Мировой опыт» у меня на самом деле не очень большой: Китай, Вьетнам, Сирия, но он меня изменил. В фильме «Властелин колец» Арагорну говорят: «Забудь странника с Севера, будь тем, кем ты рожден». Этот опыт, прежде всего, заставил меня «забыть странника с Севера» и «быть тем, кем ты рожден» – писателем. И вот это было психологически тяжело, я ведь, в отличие от многих моих коллег, не хотела им становиться, судьба скромного текстовика и ритм-гитариста в вологодской рок-группе меня вполне бы устроила.

Л. Е. Я правильно понимаю, что на выходные Вы отправляетесь на родину, и это своего рода отдушина и перезарядка, источник боли и вдохновения?

Н. М. Вы правы, выходные я почти всегда провожу в деревне. Болезненно реагирую, если там вырубают лес, отключают уличное освещение и т.д., как и все деревенские жители. Но также я понимаю, что нельзя замыкаться и сидеть в четырех стенах, ведь и моя деревня – это тоже часть большого мира, а деревенская тематика – часть мировой литературы.

Литература

1. Бобров, А. Ныне сталь закаляют китайцы [Электронный ресурс] / А. Бобров // Советская Россия. – 2018. – 10 апреля. – URL: <http://www.sovross.ru/articles/1681/38964> (дата обращения: 16.10.2019).

2. Бобров, А. Схемы и живые поэты. 2-й Форум молодых писателей Китая и России [Электронный ресурс] / А. Бобров // День литературы. – 2018. – 11 апреля. – URL: <https://denliteraturi.ru/article/3184> (дата обращения: 16.10.2019).

3. Кузьмина, О. Чжэн Тиу: Перевод – это вызов, тем он и интересен [Электронный ресурс] / О. Кузьмина // Вечерняя Москва. – 2018. – 27 апреля. – URL: <http://www.bigbook.ru/articles/detail.php?ID=29692> (дата обращения: 16.10.2019).

N.M. Melyokhina, L.V. Yegorova

ON NATALIA MELYOKHINA, OR ‘TEMPERING STEEL THE CHINESE WAY’?

Discussion of Natalia Melyokhina’s books, participation in the First and the Second Forum of young writers of Russia and China, translations of her works into Chinese and Arabic, involvement in the world literature process.

Natalia Melyokhina, literary Vologda, the First and the Second Forum of young writers of Russia and China, Union of Young Writers.